

«Тяжелые звезды» Ивана Елагина

© Л. Л. БЕЛЬСКАЯ,

доктор филологических наук

*Я не знаю, с какой мне звездой по пути,
Мое время меня разорвало на части.
Вслушайся в звездную ночь одиночества...*

В статье прослеживается образ звезд как «центральной метафоры» в творчестве поэта-эмигранта Ивана Елагина (1918–1987). Этот образ сопровождал его всю жизнь. Образы звезд ассоциировались с бомбами, летящими с неба, со «звездопадом» мчащихся в ночи автомобилей...

Ключевые слова: метафора, звезды, созвездия, ночь, земля.

The article traces the image of the as a Central metaphor in the work of expatriate poet Ivan Elagin (1918-1987). This image accompanied him throughout his life. Imagens of stars were associated with bombs flying from the sky, with stargazing car racing at night...

Key words: metaphor, stars, constellations, night, earth.

Звезды и звездное небо – высокопоэтическая тема, всегда находившая отражение в творчестве художников слова. Образы звезд часто встречаются у русских поэтов – реальные и мистические, символические и философические, начиная от ломоносовской «бездны», полной бесчисленных звезд.

Но, вероятно, никто из русских стихотворцев не обращался к этому образу так постоянно и настойчиво, как Иван Елагин, самый крупный поэт волны эмиграции периода Второй мировой войны. Его друг и биограф Валентина Сенкевич отмечает, что звезды – «центральная метафора» всей елагинской поэзии. По ее словам, «звездный свет пронизывает лучшие стихи Елагина» и вписывается в основные его темы. В одном из интервью

он сам определил их, выделив среди прочих ахматовский «Реквием» и «беженскую тему».

Под знаком первой прошли детство и юность поэта, и он помнил черные автомобили и ожидание полуночных звонков в дверь. И даже Новый год и новогодние «звездные полки» ассоциировались с Новым Горем и Новым Голодом. В 1937 году арестовали его отца – поэта футуриста Венедикта Марта (Матвеева) и вскоре расстреляли.

Помнишь звезды? Мне уже и к звездам
Голову поднять невмоготу. <...>
Как тогда мне их недоставало,
Этих звезд, завещанных тобой! <...>
Наши звезды выдернуты с корнем,
Наши звезды больше не горят.

(Звезды, 1953)

Сын дочери раввина Иван Матвеев во время войны оказался в эмиграции и попал сначала в «беззвездную Европу», позднее в США, он с печалью вспоминает «15 тысяч ночей, земное богатство мое» (то есть сорок лет своей жизни), что дарили ему звезды: «черного мрамора ночь в белых прожилках звезд» сонных городов, и океанскую ночь «плавающих звезд», и «белую ночь в городе над Невой», когда «ты ощутишь звезду, как ощущают укол» («15 тысяч ночей...», 1963). Эти ночи прошли, и он их больше не увидит, как не увидит поляны, и снег, и звезды. Но, может, удастся узреть «звездные святцы» в созвездиях Стрельца и Ориона и «звездную азбуку в книге воды». Так чужие небеса и воды напоминают эмигранту покинутую родину.

Больше 30 лет прожил Елагин в Америке, вначале в Нью-Йорке, затем в Питсбурге, где преподавал русскую литературу. И там звезды порой станут опускаться на землю и погружаться в быт. Тут и «купол со знаменем в звездах» (американский флаг), и «звезда из аквамарина», и «три звездочки глядят из полумглы коньячной», и «звезды в бокалы капают», и «сверху хрусталим и хромом в антракте зажглась звезда». В то же время поэт вместе со звездами испытывает «ужас перед машинной цивилизацией»: звезда у него привешена к 19-му этажу, автогенная сварка полыхает звездой «полуторасаженной», автобус летит к фонарям моста «ракетой среди звезд». А Нью-Йорк восхищает и пугает его – город грандиозный и грозный, «под небом звездным, сам, как небо, звездный». По автострадам мчатся там автомобили – «каскадом, звездопадом, светопадом» – и «погибаем мы от катастроф» («Мой город грозный...», 1967).

Иван Елагин считал себя не эмигрантом, а беженцем и скитальцем. Скитальчество «было греческим роком – стало русской судьбой». Как «кочевнический крест» воспринимает он не только переселение в другой

город, но и переезд на новую квартиру: «И летят в пространство / Звезды, сорванные с мест» (Переезд). Ощущая себя в «Косом полете» и «В зале Вселенной» (названия сборников), автор в одном из стихотворений рисует картину своего фантастического выселения с Земли на Кассиопею («в какую-то звездно-гуманную зябкость»), так как его объявили отщепенцем, тунеядцем, врагом человечества только за то, что он «не орал» на стадионе и не был футбольным болельщиком.

Меня посадили в тюремный подвал.
Я ночью на звезды гляжу из подвала.
И вот среди звездной сверкающей пыли
Уже я лечу небосводом ночным...

(«Я с вами проститься едва ли успею...»)

Через несколько лет Елагин назовет себя бродягой-звездочетом и сравнит с собакой, которая вбирает в ноздри холодный предзвездный воздух, «настоянный на звездах» («Засядут в кабинете...», 1982).

В елагинской поэзии звезды редко приносят радость, разве что когда «ночка новогодняя в звезды разодела» или когда смотрит звезда в водоем, а на берегу бродят влюбленные, и хорошо бы узнать, «как перевести с языка звезды расплесканной на язык воды распластанной». Или когда в небе качается голубая большая звезда. Да и окно нужно для того, чтобы приглашать в него закат и звезды, птиц и ветки. А однажды в «мой праздник мгновенный» – «звезды шли над моей головой»: «Мир шумел надо мной водопадом и ронял за звездною звездую» («Я запомнил...»).

Однако такие мгновения чрезвычайно редки, и гораздо чаще над головой поэта висят не большие голубые, а «тяжелые звезды». Именно так озаглавит он свою последнюю книгу (1986). И именно такие звезды сопровождали Елагина всю его жизнь. В юные годы мечталось о «жизни без расчета, жизни без запрета» («Праздность моя, звездность моя!»), но «в небе ты канула, словно комета» («Строится где-то...»). Увы! Не под счастливой звездой родился он, а «под красно-зловещей звездой государства» – «при шелесте справок, анкет, паспортов, в громахании митингов, съездов, авралов и слетов», когда люди рождались некстати и превращались в пыль.

Соотнесенность с сентенцией Маяковского «Если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно...» звучит в стихотворении «Ты сказал мне...»:

Только звезды оставь. Разлюбил я торжественный стиль.
Кто ответит, зачем эти звезды на небо всходили?
Оттого я на звезды смотреть разучился совсем.
Пусть там что-то сверкает сверху, надо мной леденя.

В автобиографическом стихотворении «В туристическом бюро...» Елагин прослеживает «маршрут» своего жизненного пути от родительного дома, когда «созвездье надо мной закачалось топором». Следующий пункт путешествия – школа и «очередь передач под воротами тюрьмы». Затем тащились телеги и возы «по обочинам войны», а после были поезда, самолеты, океанский пароход: «Где ж она, моя звезда, / И куда она меня ведет?». А вела она в бухту смерти, в Отчий дом (то есть в Божий). Но домой, в Россию, не вернется вовек «непутевый сын»: «Я эти звезды Созвездием звал Топора», и пятый сборник поэта получит название «Под Созвездием Топора» (1976). Всю жизнь будет вспоминать он арестованных друзей и сопоставлять судьбы людей и звезд. Звезда, горящая в небе, может оторваться и «рухнуть на Землю когда-нибудь метеоритом».

И звезда эта будет
Готовиться к праздничной встрече.
Мы не звезды. Мы люди,
И себя обнадёживать нечем.

(«Худошавым подростком...», 1982)

Люди разлучаются навек и никогда не встретятся. А если поэт собирается отправиться в далекое прошлое, в «давно когда-то», то на звездах будет пересадка. Если же он хочет отыскать друзей юности, то обращается к созвездиям, «как в адресный стол». Присутствуют звезды и в советах сыну, чтобы тот вместо лампочки зажег созвездие (в стихотворении «Сыну»), и при составлении завещания, когда автор оставлял наследникам все богатства земли и «палату звездных качаний», и солнце, и книги в стихотворении «Завещание».

Елагин и «лично» общался со звездами: то звезда глядит на него с испугом, то «звездою промелькнувшей» голова его побелена. И, конечно, не могла обойтись без участия звезд и тема поэта и поэзии, начиная от юношеского восторженного возгласа: «О сколько для Музы пристанищ / У гор, океанов и звезд!» и кончая прощанием и со звездами, и с Музой, в ожидании оказаться «между звезд и планет, с землею в разлуке и с музою врозь».

Острые звезды глядят на меня со двора.
Может быть, мне на звезду убираться пора? <...>
Это за мною придут мои звезды – пора!

(«Не от того вы лечили меня, доктора...», 1986)

Суждено было Елагину идти по «трассе поэтов, художников, ангелов, звезд», а путь этот зачастую трагичен. И в стихотворении «Я сегодня прочитал...» он вспоминает об «авторском страшном праве» великих русских поэтов, своих предшественников, – праве на пулю и веревку,

на яму и на крюк в стене, на тюрьму и клевету, вместо права на ветер, звезды, дождь и снег. Но у поэта во взгляде «уличный звездопад», и, как случайные звезды, так неожиданны его «ночные слова».

И в юности моей, во время оно,
Когда еще писалось горячо –
В стихах звезда сорвалась с небосклона,
И до сих пор летит она еще.

(«Кривая ветвь...»)

Идут годы, и исчезают звезды над елагинским ночлегом, и все чаще посещают стихотворца «звездные ночи одиночества», и звездопад видится ему во сне как кошмар, и он все больше понимает, что быть поэтом – это «полет с нераскрытым парашютом». Хотя звезды еще видны на небе, но от них нет уже никакого толку – «и сквозь меня не идут уже звездные токи». А «звездный мир» превратился в «звездный ров» и «звездные колючки».

За десять лет до своей кончины Иван Елагин представлял ее так – из-за какого-то пустяка внезапно разорвется сердце: «Все кончится взрывной / Куда-то в вечный мрак / Катящейся звездой» (1976). Но умирал он долго и мучительно от рака. И, наверное, поэтому так поражает нас последнее елагинское стихотворение, которое поэт просил опубликовать после своей смерти:

Здесь чудо все: и люди, и земля,
И звездное шуршание мгновений.
И чудом только смерть назвать нельзя –
Нет в мире ничего обыкновенней.

*Цфат,
Израиль*